

Вадим Панов

НЕПОСТИЖИМАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Анклавы

Вадим Панов

Непостижимая концепция

«Автор»

«ЭКСМО»

2013

Панов В. Ю.

Непостижимая концепция / В. Ю. Панов — «Автор», «Эксмо»,
2013 — (Анклавы)

ISBN 978-5-699-64826-9

«— Раньше, до Дня Беды, жизнь была иной. — Спокойной? — не удержался Бергер. Понимал, что совершает ошибку, прерывая Химику на полуслове, но не удержался. Уж больно размеренно и медленно текла речь фабричного лидера, вот и не удержался. — Сытой? Тихой?..

ISBN 978-5-699-64826-9

© Панов В. Ю., 2013

© Автор, 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Вадим Панов

Непостижимая концепция

Часть 1

Химик

– Раньше, до Дня Беды, жизнь была иной.

– Спокойной? – не удержался Бергер. Понимал, что совершает ошибку, прерывая Химику на полуслове, но не удержался. Уж больно размеренно и медленно текла речь фабричного лидера, вот и не удержался. – Сытой? Тихой?

– Правильной, – веско объяснил Химик, и парочка здоровяков за его спиной согласно закивала круглыми лысыми головами. Не быстро закивала, но веско, словно подтверждая, что за миг до этого прозвучало великое откровение.

Здоровяки присутствовали при разговоре для ритуала: не мог фабричный лидер, серьезный и авторитетный человек, якшаться с прохожим без охраны, права не имел. Звуков здоровяки не издавали, и, кто из них Ача, а кто Вача, Бергер так и не выяснил. Знал только, что тот, который слева, вяжет узлами металлические прутья. Второй выглядел еще внушительнее.

Только кожа подкачала: кожа у всех фабричных была серой, словно пылью припорошенной, и морщинки на ней казались черными, словно тушью нарисованными. Кожа фабричных навевала мысль о химической аварии.

– Извините, что перебил, – проворчал Бергер, отвечая на укоризненный взгляд Химики. – Больше не повторится.

И зачеркал в блокноте, продолжая стенографировать рассказ лидера.

– Жизнь до Дня Беды была правильной. – Химик чуть качнулся назад и провел крупными ладонями по бедрам. Взгляд его вновь стал рассеянным. – Все было упорядочено, все вершилось согласно древним законам, соблюдение которых и есть основа мира.

Крупными у фабричного лидера удались только ладони да голова – внушительная безволосая тыква с большими ушами и весомым носом. Остальное вызывало усмешку: тельце худенькое, плечи узенькие, ручки и ножки тоненькие – задохлик. Но держался Химик со спокойной уверенностью человека, за которым всегда остается последнее слово. И старый шрам, идущий по правой щеке от скулы до рта, не казался чужеродным и придавал образу законченность, делал лицо жестким.

Хоть и было оно серым, словно пылью припорошенным.

– Земля относится к мирам Срединным, мирам людей, где Время имеет смысл, потому что все мы здесь – гости, а точнее – дети. Мы знали богов, которые ждут нас наверху, и творили много зла в их честь; мы были жестоки, но боги прощали нас, потому что, когда Время имеет смысл, люди торопятся выбрать простое решение. Люди боятся Времени...

– ...а Время боится Пирамид, – машинально закончил Бергер.

Ойкнул, испуганно глядя на Химику, но тот понял, что молодой человек высказался неосознанно, просто въелась в его память старинная пословица. Понял, улыбнулся и спокойно продолжил:

– Люди боятся Времени и всегда мечтали победить его здесь, в Срединном мире, не понимая, что тем нарушат закон. Страх сильнее разума. – Химик прикрыл серые глаза, старые, очень усталые глаза, и Бергер неожиданно почувствовал облегчение. Взгляд фабричного лидера давил, даже когда он смотрел в сторону, например на огонь. – Люди думали, что воюют со страхом, но в действительности пытались сломать закон.

– Закон Времени?

– Закон Мира.

Разговор, несмотря на дневное время, шел у костра, который развели во дворе Фабрики Ача с Вачей; развели, потому что Химик, как успел понять Бергер, был большим любителем открытого огня. Впрочем, последние дни выдались зябкими, и лишнее тепло не мешало.

Фабрикой (то есть как положено) шесть стоящих недалеко от леса корпусов называл только Бергер, а вот местные – жители лежащего в трех верстах поселка – звали логово Химики просто: Жрать.

– Мы отказываемся понять, что миром правят простые законы, в основе которых лежит элементарная логика: каждому отведено свое Царство, и поэтому богам нет хода в Срединный мир, так же, как мертвым. Каждый должен прожить свое Время, а потом совершить путешествие по Великому Древу. Законы просты, а потому неколебимы. Снаружи неколебимы, но не изнутри.

Химик кинул в костер ветку, и пламя бросило на его лицо отблеск, резко выделив шрам. Получилось жестко.

– Каждый мир доверчив к своим обитателям, силен ими и перед ними беззащитен. Могучий колдун этого не знал, он просто хотел все изменить...

– Колдун? – переспросил Федор. Он уловил изменившийся тон и понял, что теперь вопросы разрешены.

– Очень сильный.

– Мертвый?

– Зачем мертвый? – удивился фабричный лидер. – Живой.

– Я слышал сказки, в которых колдуном называют Мертвого, – уточнил Бергер.

– Это какого же?

– Который виновен в Дне Беды.

– Мертвый заслужил, – помолчав, признал Химик. – Но моя история не о Дне Беды, а о законах мира.

– Люди говорят, что Мертвый убил мир, – тут же забросил удочку Федор, чем вызвал еще одну паузу.

– Местные люди? – осведомился Химик, протягивая к огню серые руки.

– Нет, липчане.

– Эти – могут сказать, – улыбнулся фабричный. – Но ведь ты хотел послушать мою историю, а не рассказы липчан, так?

– Так.

– Тогда слушай.

Тон поглубел, и молодому человеку оставалось одно:

– Извините.

Бергер действительно хотел слушать, для того и пришел, вот и повинился.

– Колдун, о котором рассказываю сказку я, был очень силен. Он мечтал изменить мир, не понимая, что тем убивает его. Он создал запретную душу...

– Как это?

На этот раз вопрос раздражения не вызвал: Химик его ждал. Скупое усмехнулся и поинтересовался в ответ:

– Что есть человек без души?

– Человека без души нет, – уверенно ответил Федор.

– Потому что таков закон Срединного мира, – подтвердил фабричный лидер. – Другой закон: пускаясь в дальнейшие странствия, человек оставляет тело в Срединном мире. Третий закон: в Срединном мире Время течет. – Пауза. – Колдун покусился на все эти законы.

Полная тишина – верный признак того, что слушатели полностью поглощены рассказом.

– Колдун научился отделять души, помещать их в нелепый зиккурат и так оставлять в Срединном мире. Лишая тела и отнимая Время. В гордыне своей колдун считал, что дарит людям бессмертие.

– Какому богу он поклонялся?

– Он сам хотел стать богом.

– И таким образом бросил им вызов?

Вопрос вызвал у Химики снисходительную улыбку.

– Как можно бросить вызов тем, кого неспособен превзойти?

– Но люди решили, что колдуну удалось, и пошли за ним, – догадался Федор.

– Человек слаб. Трудно устоять, когда предлагают вечную жизнь.

– В плену зиккурата? Лишившись тела в самом материальном из миров? Потеряв ощущения и чувства?

– Не испытывая боли и голода, не зная принуждения и смерти, отменив смысл Времени, – предъявил свои аргументы Химик.

– То есть колдун творил добро?

И фабричный лидер, к немалому удивлению Бергера, осекся. Впервые за весь разговор, за все их короткое трехчасовое знакомство. Вопрос сбил Химику, и Федор попытался развить тему:

– Если колдун дарил людям покой, он дарил им добро. Так?

– Но разрушал мир. – Фабричный лидер с трудом подыскал аргумент.

– Что есть мир без людей? Что есть мир, наполненный несчастными, озлобленными людьми?

Федор понял, что ему удалось чуть-чуть разжать створки раковины, в которой прятался Химик, и он продолжил напирать. Но фабричный лидер уже пришел в себя.

– Человек слаб, Бергер, человек страшится перехода и хочет невозможного. Иногда он принимает покой за счастье, а добро... – И снова пауза. – Человек не думает, что некоторые законы менять нельзя, человек эгоистичен.

И снова – правда. Не жестокая, но жесткая. Правда о людях. О том, какие они.

– Тот зиккурат был сетью? – уточнил Федор. Он решил ненадолго отступить.

Химик улыбнулся, но не ответил. Продолжил рассказ:

– Вот тогда-то, увидев нарушение Закона, боги рассердились и вонзили в Землю копьё.

– Чтобы уничтожить колдуна?

– Чтобы спасти Срединный мир.

Финал получился скомканным, однако Бергер все равно остался доволен: именно такого объяснения Катастрофы в его коллекции еще не было. Как правило, жители дичающих общин – а Шамильский улус был именно таким – объясняли случившуюся четыре года назад Катастрофу проще: пробуждение древних монстров, кара небесная, столкновение с сонмом демонов. Химик же не только изложил ясную причину катаклизма, но и увязал ее с продуманной космогонией.

– Вы действительно верите в это?

– Я? – Фабричный лидер рассмеялся, как закаркал, но выцветшие его глаза остались холодными. – Ты просил сказку, путник, ты ее получил. – Он поднялся на ноги. – Я же верю только в Аллаха, великого и милосердного.

Возвращение в реальность оказалось настолько стремительным, что Бергер совершенно растерялся: он не понял, что заставило Химику так резко свернуть разговор. И лишь через несколько секунд расслышал гул моторов: к Фабрике подъехала колонна потрепанных автомобилей защитного цвета.

* * *

Два из шести зданий Фабрики являлись производственными цехами; их вытянутые, лишенные окон коробки параллельно тянулись по длинной западной стороне, прикрывая обитателей Жрать от леса. Или же закрывая обитателям Жрать обзор на лес: тут уж как посмотреть. Впрочем, как ни смотри, а две пулеметные точки на крыше крайнего цеха присутствовали, и стояли на них самые настоящие «молотки» от «Науком».

Южными воротами оба цеха едва не втыкались в квадратное и высокое хранилище исходного сырья, а северные упирались в склад готовой продукции, который почти всегда пустовал – Химик не рисковал держать на Фабрике запасы дорогостоящего пищевого концентрата. В дальнем восточном углу стояла бойлерная, именно к ней шли электрические кабели от остальных построек. А прямо у главных ворот размещалось здание администрации, ставшее для обитателей Жрать жилым. И именно у администрации бросил якорь караван Расул-бека. Не весь, конечно: грузовики дотарахтели до склада, где встали под погрузку, а вот все четыре внедорожника, защищенные тонкой противопульной броней – другую элетромобили не утянули бы, – припарковались неподалеку от кострища. Боевики рассредоточились по двору, мрачно озирая спокойных обитателей Фабрики – к Аче и Ваче подтянулись еще шестеро, правда, безоружные, – а главный гость подошел к Химику и после приветствия осведомился:

– Голодранцев кормить не надоело?

Вопрос был обязательной частью ритуала встречи: Расул-бек выражал легкое недоумение принципиальной позицией фабричного лидера, бесплатно раздававшего до половины производимого концентрата. Хозяин Шамильского улуса не мог ничего изменить, но не забывал напомнить, что он против.

– Они без меня передохнут, – стандартно ответил Химик.

– Лентяев плодишь.

– Ты сам в это не веришь.

На довольствие фабричный лидер брал только тех, кому и в самом деле приходилось туго, и прекращал помогать, когда люди становились на ноги.

– Товара достаточно? – перешел к делу Расул-бек. – Мне много надо.

– Грузовики забьем под завязку, – пообещал Химик.

– Это хорошо. – Шамильский хозяин зевнул, в последний момент прикрыв разинутую пасть ладонью, и очень тихо сообщил: – В столице еще одна фабрика накрылась, когда починят – неизвестно.

– Я тебя предупреждал, что нельзя технарей в рабство обращать, – хмыкнул фабричный лидер.

– Свободным имеет право быть только воин, – без особой убежденности ответил Расул-бек.

– Конечно. – Химик потер пальцы, словно сомневаясь, стоит ли задавать следующий вопрос, но не удержался: – Ты нашел Тару?

И получил чрезвычайно быстрый ответ:

– Нет.

Такой быстрый, каким может быть только лживый ответ.

– Когда найдешь, не слушай ее – сразу вези ко мне. Она опасна.

– Я помню уговор, – мотнул головой Расул-бек и резко повернулся к Бергеру. – Ты кто такой?

Смена темы произошла с изумительной неуклюжестью, однако Химик сделал вид, что его все устраивает; продолжать разговор насчет Тары фабричный лидер не стал, и Федору пришлось отвечать.

– Этнограф, – угрюмо буркнул Бергер.

Он впервые увидел хозяина улуса в анфас и с удивлением отметил, что правую щеку Расул-бека рвет старый шрам, резко идущий от скулы до рта. Шрам не казался чужеродным на лице боевика, он придавал образу законченность, казалось, Расул-бек рожден с ним.

Так же, как Химик.

– Этнограф – это как? – осведомился тем временем шамильский хозяин.

– Как видишь: две руки, две ноги, одна голова.

– Умный?

– Не дурак.

– Он в обед из леса вышел, – сообщил Химик, задумчиво разглядывая кострище, над которым умирали последние струйки дыма. – Говорит, через Баляль прошел.

– И ты его пустил?

– Мне стало интересно.

– Что?

– То, чем он занимается.

– А чем... – Расул-бек сообразил, что, задавая вопрос Химику, он теряет лицо, резко оборвал фразу, повернулся к Бергеру и выплюнул: – Чем занимаешься?

– Собираю сказки.

Увлеченный беседой этнограф не заметил подошедшего сзади бойца, а потому жестокий удар в голову стал для него полной неожиданностью.

«Козел!»

«Не уважаешь, мразь!»

«Только не убейте!»

Вопли и последующие пинки слились для Бергера в один неприятный процесс. К счастью, довольно кратковременный: меньше чем через минуту упавшего на землю ученого грубо вернули в положение «Стоять», встряхнули, помогая избавиться от шума в голове, и Расул-бек продолжил интервью:

– Зачем тебе сказки?

Судя по всему, во время экзекуции Химик вкратце объяснил любознательному хозяину улуса, чем занимаются этнографы.

– После Катастрофы новые появились, – сипло объяснил Бергер, наблюдая за тем, как подручные Расул-бека потрошат его рюкзак. – Знать их надо.

– Зачем?

– Затем, чтобы жить дальше.

– Чтобы жить – жрать надо, понял?

– Вам виднее.

– Вот именно. – Расул-бек повернулся к проводящим обыск помощникам. – Что у него?

– Шмотки, – один из боевиков пнул ногой пакет с вещами. – Консервы анклавские, концентраты и колеса какие-то...

– Воду обеззараживать, – объяснил Бергер.

– Блокнот, карандаши, аптечка...

– Наркота есть? – оживился Расул-бек. – Качественная?

Вопросы были обращены к подручным, однако Федор ответил сам:

– Есть синтетика, на случай ранения.

– Предусмотрительно... – Шамильский хозяин еще раз оглядел разбросанное имущество, задержав взгляд на легкой, превосходно подходящей для охоты на мелкую дичь винтовке, и протянул: – Ты, я смотрю, предусмотрительный, этнограф... Где связь?

– Нету, – развел руками Бергер.

И получил в печень. Охнул, согнулся, огреб по затылку, а когда вновь оказался на ногах, услышал:

– Где?

– Никакого электричества, – торопливо, не отдышавшись, а потому – фальцетом ответил этнограф. – Я по три-четыре месяца в поле, в самый первый раз брал с собой коммуникатор, а мне его прострелили перед возвращением, вся работа псу под хвост. С тех пор только блокноты.

– Как ты со своими связываешься?

– Никак.

– У него ничего нет, – подтвердил боевик. И еще раз, на всякий, так сказать, случай, тряхнул рюкзак. – Никаких гаджетов.

– Кто тебе платит? – сменил тему Расул-бек. – Кто снаряжает? Кому ты рассказываешь сказки?

– Мертвому.

На этот раз в печень словно кувалдой засветили.

– Да не вру я! – взвыл Бергер.

– Я ему верю, – тихо произнес Химик, глядя Расул-беку в глаза. – Поэтому не убил.

И эта коротенькая фраза наглядно продемонстрировала то необыкновенное влияние, которое имел фабричный лидер на всемогущего хозяина Шамильского улуса. Расул-бек молниеносно успокоился, удивленно поднял брови и хрюкнул:

– Мертвому нужны сказки?

– Да.

– Зачем?

– Мертвый ищет те, которые сбываются, – едва слышно прошелестел фабричный лидер, и шамильский лидер все понял.

Понял, вздрогнул и машинально дотронулся до шрама на правой щеке. И не сдержал сорвавшееся ругательство.

– Сам понимаю, что плохо, – вздохнул Химик.

– Я его заберу, – неожиданно громко и неожиданно уверенно рубанул Расул-бек. И перевел взгляд на Бергера: – Поедешь со мной.

– Зачем? – Фабричный ошеломленно уставился на Расул-бека.

– Этнограф наверняка разведчик, а наземная разведка означает одно: Мертвый близко, – объяснил шамильский хозяин. – Хочу говорить об этом.

– Говори здесь.

– Здесь криво, – отказался Расул-бек, с улыбочкой наблюдая за тем, как его подручные тащат Бергера к головному внедорожнику. – А я хочу ровно.

* * *

Как столица называлась раньше, когда в ней заправляли спившиеся туземцы, теперь никто и не вспоминал. Во времена губернатора Сулима III Благочестивого город стал Шамиль-сараям, и следующие поколения правили уже переименованным улусом. Правили успешно: не прогнулись под Кубанский джамаат, отбили два вторжения орды Рафика Назимова, воинственного министра обороны Центрального федерального округа, и сохранили неплохие отношения с ОКР, единственной скрепой, которой санкт-петербургский президент хоть как-то удерживал наследных демократических губернаторов в федеральном составе.

Катастрофа Шамиль-сарай не затронула, но головы лишила: губернатор Адам VI Головокрут, изволивший отдыхать в своем дворце на Исламской Ривьере, обрушился на новое дно Средиземноморья вместе с семьей и челядью. Между племянниками Головокрута немед-

ленно вспыхнула междоусобица, однако воцарившаяся разруха не позволила никому из них взять верх. Мовлади удерживал пару районов на юго-западе улуса, Магомед – на юго-востоке, а Расул-бек взял все остальное, не предпринимая никаких попыток отбить у родственников владения. Положение Расул-бека выглядело безупречным: ему достались развитые сельскохозяйственные зоны, кое-какие рудники, кое-какое производство, атомная электростанция, а главное – три дядюшкиных арсенала из пяти. Он сидел настолько крепко, что сумел отразить нападение танковой армады Генеральной прокуратуры и даже продвинулся на запад, заполучив под контроль область ответственности бригады Шариатского надзора из Белгородского ханства; и на север, оттяпав три района Умарского улуса у занятых внутренними распрями депутатов тамошнего меджлиса. Все выглядело хорошо, однако вот уже год Расул-бек жил в тревожном ожидании перемен. Анклав Москва уверенно полз на юг, и все говорили одно: Мертвый близко.

– Вы будете меня кормить? – осведомился Бергер из багажника внедорожника, где скрючился на маленьком сиденье.

– Не знаю, – не стал скрывать шамильский хозяин.

– От чего зависит?

– Скажешь правду или нет.

Они были примерно одного роста: около ста девяносто, примерно одинаково одеты: в полевую армейскую форму без знаков различия, и примерно одного возраста: в районе тридцати пяти. А вот дальше начинались различия. Расул-бек был плечистым, настоящей скалой, а его крупное грубое лицо поросло густой бородой, справа рассеченной шрамом. Жилистый Бергер мощью не отличался, казался тощим, нескладным, и лишь очень опытный глаз мог оценить отточенность его движений: этнограф явно посещал не только библиотеки да лекции. Лицо Бергер имел узкое, с мелкими, «мышинными» чертами и унылым выражением. Во всяком случае сейчас.

Но унылость лица никак не соотносилась со спокойным тоном, каким этнограф вел разговор.

– Я не лгал.

– Что собираешь сказки? Не смей меня.

Присутствующие в мобиле мордовороты дружно заулыбались.

– Вам смешно, а Химик испугался, – размеренно произнес ученый.

– В отличие от него, я не верю, что Мертвому нужны сказки, – через плечо бросил Расул-бек.

И вздрогнул, услышав спокойное:

– Доктору Кауфману нужна правда.

– Какая?

– После Катастрофы мир стал другим, – вздохнул Бергер. Внедорожник подпрыгнул на очередном ухабе, и Федор врезался головой в потолок. Однако продолжил как ни в чем не бывало: – Доктор Кауфман хочет знать – каким?

– И еще он хочет мою землю, – мрачно произнес Расул-бек. Резко повернулся и вперился в пленника взглядом. – Да?

– Шамильский улус не первый и не последний, – пожал плечами Бергер. – Вы уже должны знать политику доктора Кауфмана: если туземная администрация проявляет разумную покорность, ее оставляют править.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.